

Д.С. Малышева

Пермский государственный технический университет

ИММАНЕНТНОЕ СОЗНАНИЮ ВРЕМЯ (ZEITBEWUßTSEIN) В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ И НЕКОТОРЫЕ ЕГО АСПЕКТЫ В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

Дано краткое введение в феноменологический анализ «времени», приведены основные характеристики временности и временного¹ сознания, а также материал, касающийся относительной применимости феноменологического метода к общим вопросам этики и эстетики.

Э. Гуссерль придает анализу феномена времени особое значение, ведь именно время – есть неотъемлемая часть нашего восприятия реальности. Объемный труд под названием «Феноменология внутреннего сознания времени» основан на курсе лекций, прочитанных Гуссерлем в Геттингене в 1905 году. Книгу характеризует, прежде всего, детальность и точность, какие присущи обычно научным исследованиям, имеющим своим предметом внешние объекты. Автор же принимает за осознание собственного процесса мышления и восприятия, и подходит к этим процессам, как к непосредственной данности. Он не позволяет себе отвлекаться от опыта, фантазировать, и, в результате, внутреннее течение времени – столь близкое и столь же неуловимое – поддается усилиям философа, и феномен времени становится открытым и доступным пониманию и последующему подробному письменному описанию.

Если каждый из нас попробует рассказать, каким образом время является ему – в моментах непосредственного восприятия, памяти, ожидания будущего – то поймет, насколько этот процесс трудно передать объективно. «Что такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время, если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю»², – говорил Святой Августин. Несмотря на то, что время есть феномен, явленный каждому человеку, мы не в состоянии адекватно ответить на простой вопрос: что есть оно – длительность ли, последовательность, форма существования

¹ Необходимо различать термины «временность» и «временность». В статье будет употребляться только второй термин, близкий по смыслу, но не тождественный «длительности». – *Примеч. авт.*

² Августин Аврелий. Исповедь [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/avgus01/txt11.htm> (дата обращения: 21.06.2010).

материи или априорная форма созерцания? Существует много концепций, определяющих время как «течение», «координату», «форму», «интервал». Каждое из этих слов требует дополнения: мы до сих пор ходим *около* феномена, пытаясь проследить его сущность по отблескам в реальности.

В сфере естественных наук время часто принималось как данность мира, не нуждающаяся в интерпретации. В настоящем создается множество концепций, включенных в новую науку темпологию, но, тем не менее, точных и общезначимых результатов люди до сих пор не получили. Феноменологический анализ предполагает особую методологию познавательной деятельности. Гуссерль изначально исходит из ситуации, создаваемой с помощью феноменологической редукции. В процедуре «ἐποχή» феноменолог *теряет* мир с его объективными свойствами и естественными науками, культурой и искусством. Кроме того, он заключает в скобки и объективное время, как время этого [взятого в скобки] мира, реального времени естественной природы. Далее, при проведении феноменологического анализа, нельзя сделать каких-либо допущений относительно времени природы – посредством такого анализа «нельзя обнаружить даже самую малость объективного времени»³. Объект исследования феноменологии – имманентное сознанию время, т.е. временной характер протекания внутренней жизни сознания с его модусами восприятия, памяти, ожидания, а также феномены изменения, длительности и последовательности.

Итак, феноменология есть наука о чистых феноменах, безотносительно к их природному, физическому существованию. Важно понимать специфику такого методологического требования: Гуссерль проводит радикальную феноменологическую редукцию, заключает «в скобки» весь мир и накопленные о нем знания, *как неаподиктичную*⁴ *очевидность*. Эта процедура «сомнения», конкретный подход к которой начал искать Рене Декарт, есть не простое отрицание реальности, ведущее к солипсизму, но строгое внутреннее требование ученого, который не готов положиться на чужие интерпретации мира и устоявшиеся заблуждения⁵. Оказавшись в сфере очевидности опыта, всматриваясь в чистое поле сознания, Гуссерль приступает к осмыслению и описанию непосредственно данного имманентного времени. Важно пом-

³ Гуссерль Эд. Феноменология внутреннего сознания времени [Электронный текст] / пер. В.И. Молчанова; РИГ «Логос». М., 1994. С. 8. URL: <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia/pdf/zeit.pdf> (дата обращения: 21.06.2010).

⁴ Такую очевидность, относительно которой возможно хотя бы малейшее сомнение. – *Примеч. авт.*

⁵ Феноменологическая редукция имеет сходство с ходом мысли математика: неизвестный *x* (мир) выводится за скобки до той поры, пока остальные неизвестные – исходные структуры нашего разума – не обретут ясность. Лишь тогда человек, освободившись из плена естественной установки, которую мы привычно воспринимаем как *единственно* возможную, сумеет познать мир наиболее полно, достичь истины. – *Примеч. авт.*

нить, что в феноменологии рассматриваются именно феномены – как явления *чего-то*. Но дальнейшее построение суждений о мире и реальном существовании вещей приостанавливается до прояснения всех проблемных моментов. Когда конституируются вещи, имманентное время объективируется: в каждой точке феноменологического времени представляет себя точка объективного времени, независимо от того, несет ли имманентное явление соответствующую интенцию к реальной вещи.

Разница между космическим временем и феноменологическим временем, как всеобщей чертой переживаний в едином конституируемом потоке, очевидна. Благодаря осуществлению феноменологической редукции сознание теряет привязку к «материальной реальности и свою, пусть даже вторичную, включенность в пространство, но даже и свою включенность в космическое время»⁶. Время имманентное, с его многочисленными модусами данности, нельзя измерить с помощью солнца, часов или любых физических приборов, его нельзя измерить вообще, рассуждает Гуссерль. «Имманентное – это просто то, что является реальным (reell) элементом моего сознания»⁷.

Здесь необходимо сделать критическое замечание, относительно мнения, приписывающего феноменологию к области психологии. Сам Гуссерль дает материал для размежевания психологии и феноменологии по принципиальным основаниям. Он пишет: «Всякое психологическое суждение включает в себе экзистенциальное полагание физической природы, безразлично – выраженное или невыраженное»⁸. В феноменологическом «εποχή» мы, как уже сказано, полностью исключаем полагание какого бы то ни было внешнего мира, включая человеческое тело... Задача эмпирической психологии – исследование психического только в психофизической природной связи. Психология пытается обосновать и отстоять свой статус действительной науки и берет для своих исследований эмпирические данные, строит себя по примеру естественных наук. Феноменология и психология, несомненно, находятся в близких отношениях, ведь и та, и другая имеют дело с сознанием. Но психология изучает эмпирическое сознание в опытной установке, феноменология – *чистое сознание в феноменологической установке*. Психология, вместе с прочими науками, подвергается «взятию в скобки». Что же касается феномена «времени» в психологической интерпретации, то оно рассматривается как «отражение» объективного природного времени. Гуссерль же обращает наше внимание на совершенно специфичный поток времени (неограни-

⁶ Гуссерль Эд. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1 / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 177.

⁷ Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля [Электронный ресурс] / пер. А. Денежкина и В. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. URL: <http://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-5-33/---2> (дата обращения: 21.06.2010).

⁸ Гуссерль Эд. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 197.

ченный поток феноменов), существующий имманентно нашему сознанию. Этот лишенный начала и конца поток имманентного времени «не измеряют никакие хронометры»⁹.

В «Феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль приступает к обширному описанию имманентных сознанию временных структур. В феноменологии рассматриваются два взаимосвязанных момента: темпоральность содержаний и темпоральность актов сознания. Первое включает в себя неизмеримую данность временных объектов, второе – структуру, конституирующую схватывание временных различий. В процессе анализа выясняется, что временностью обладает не только сам временной объект (ноэма), но и воспринимающее сознание (ноэзис). Подробно рассматривая явленность имманентного объекта, как он дан, Гуссерль подходит к исследованию *феномена темпорально конституирующего сознания*, в котором конституируются временные предметы с их временными определенностями. Это означает, что «время», как феномен, является нам не столько по причине его существования как физической реальности (этот момент остается заключенным «в скобки»), но и вследствие того, что *человеческое сознание* по природе своей *темпорально*. Разум конституирует временные предметы; не будь у нас данной способности, неизвестно, насколько так называемое «объективное время» было бы реальным и несомненным.

Временное сознание при внимательном рассмотрении оказывается сложной структурой, где сосуществует множество четких (но не математически-четких) законов и соответствий, при малейшем нарушении которых возникла бы «атрофия» восприятия времени. Для того чтобы воспринимать реальность адекватно, т.е. жить синхронно с другими людьми, сознанию необходимо постоянно поддерживать эту хрупкую систему. Гуссерль предоставляет нам описание диаграммы времени, которая демонстрирует конституирование одного объективного имманентного времени (поперечная интенциональность потока), а также квазивременной континуум «теперь» (продольная интенциональность потока), с включенными в него ретенциями и протенциями.

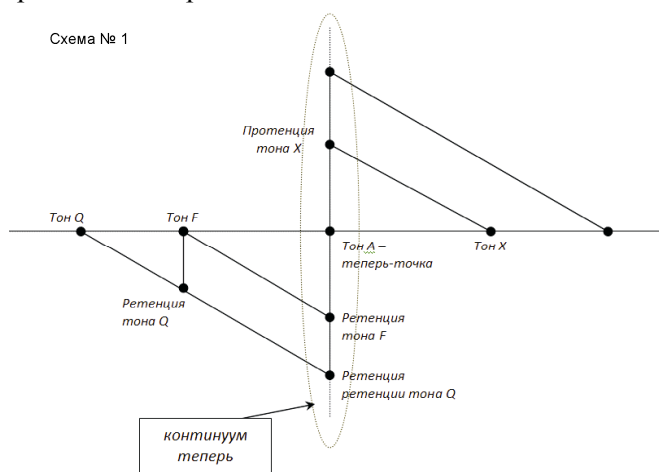
Проясняя внутренние процессы конституирования времени, Гуссерль обращается к восприятию мелодии, т.е. к объекту, существующему как «что» исключительно в протяженности. В первую очередь, он пытается разрешить спор относительно вопроса, как именно человек способен воспринимать объект, «материя» которого распределена по временному отрезку. Гуссерль был не согласен с аксиомой «моментальности сознания целого», выдвинутой И. Гербартом и Р. Лотце, а затем воспринятой Ф. Brentano. Смысл ее объяс-

⁹ Гуссерль Эд. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия, как строгая наука. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 703.

нения был в следующем: для схватывания последовательности представлений (f, s) необходимо, чтобы f и s были одновременными объектами связующего знания (wissen), объединяющего f и s в неделимом акте. Другими словами, представления о многих элементах (одного длящегося объекта) могут быть мыслимы только в wissen – вневременном, охватывающем их знании. Такая теория предполагала, что созерцание временной протяженности имеет место в некой точке «теперь», т.е. наше сознание искусственно стягивает длящийся предмет во временную точку, а части этого объекта находятся репрезентативно в единстве мгновенного созерцания.

Но если мы рассматриваем восприятие мелодии, то ни о каком «стягивании в точку» речь идти не может, ибо мелодия есть всегда *упорядоченная* последовательность тонов. Гуссерль начинает рассуждать последовательно: он предлагает нам описание потока сознания, в котором [один и тот же] тон осознается как длящийся. Одна из временных точек длительности тона осознается как «теперь» (jetzt), непрерывность точек до нее – как «прежде» (vorher). Момент тона, только что бывший «теперь», погружается в прошлое. Из будущего приходит новый момент тона и модифицируется из «после» (nachher) в новое «теперь». Эта, фиксируемая в прямом восприятии, *модификация* тона дает нам способ «явленности» имманентного временного объекта.

Примечательно, что на этом примере нам легче уяснить, что не только сам временной объект (тон, мелодия) обладает свойством временности, но и *наше воспринимающее сознание* «само обладает временностью... восприятие любой временной формы (Zeitgestalt) само обладает временной формой»¹⁰. Для адекватного восприятия мелодии сознание должно удерживать структуру, изображение которой дано в виде схемы № 1.

¹⁰ Гуссерль Эд. Феноменология внутреннего сознания времени [Электронный ресурс] / пер. В.И. Молчанова; РИГ «Логос». М., 1994. С. 25. URL: <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia/pdf/zeit.pdf> (дата обращения: 21.06.2010).

Воспринимающее временное сознание способно фиксировать постоянно уходящую в прошлое точку «теперь» (момент непосредственного восприятия), а также неразрывно с ней связанные *ретенции* (моменты моментальной памяти) и *протенции* (моменты моментального ожидания будущего). Ретенции и протенции действительно находятся в области «теперь», но это континуум, а не сжатие в точку. Уходя дальше в прошлое, ретенции удерживаются в общей структуре, благодаря чему восприятие мелодии обладает для нас красотой и гармонией, где каждое отдельное звучание имеет свое определенное место во времени. Не будь этого, наслаждение, которое дарит нам музыка, стало бы невозможным, ибо малейшее нарушение структуры (тем более стягивание тонов в точку) явило бы слуху человека дисгармонию и хаос. Когда мы слышим музыку, то пребываем в процессе, фиксируем каждую точку времени на определенном месте, тут же отпускаем ее в прошлое, где она не сливается с уже прозвучавшими звуками, но продолжает удерживать *интенцию* – связку с новым (постоянно меняющимся) теперь. Континуум «теперь» есть то, что Гуссерль называет особой «поперечной» интенциональностью. В ней конституируется квазивременной порядок одного измерения. Гуссерль называет ее «предэмпирической» временностью. Он пишет: «...если я, прислушиваясь, вживаюсь в “поперечную интенциональность” ... то здесь пребывает длящийся тон, постоянно расширяясь в своей длительности»¹¹. В области «поперечной интенциональности» имеет место особое сознание «только-что-прошедшего» (выше уже упоминалось как ретенция).

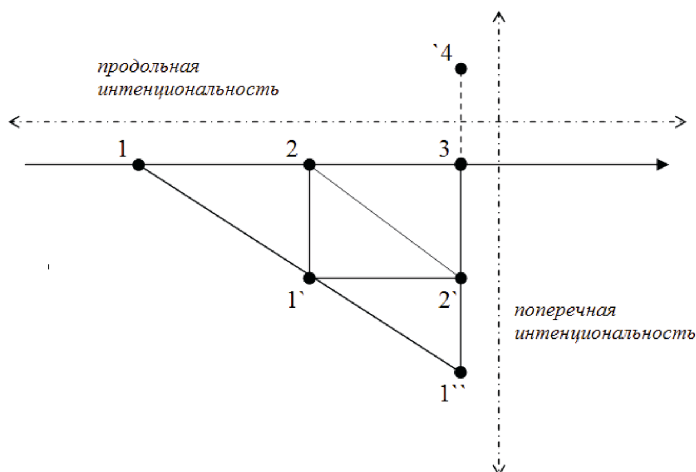
Параллельно в сознании конституируется вторая интенциональность – продольная (см. схему № 2). Она конституирует одно объективное время и индивидуальные временные точки в нем. Продольная интенциональность пребывает в течение всего потока временного сознания как тождественная самой себе. Это означает, что предмет, изменяясь «в модусе как», является нам (как прошлый, настоящий или будущий), тем не менее он продолжает сохранять свою объективную индивидуальную точку.

Можно разделить все сознание времени на два различных момента: это восприятие (континуум «теперь») и репродукция (воспоминание, представление о будущем и фантазия). Таким образом, Гуссерль различает момент продуцирования восприятия и различные моменты репродукции. Этот момент принципиален у феноменолога: восприятие есть единственный акт, *конституирующий самоданность* любого возможного феномена. Восприятие, говорит Гуссерль, есть акт, первично конституирующий, а значит, ставящий перед нами нечто, как оно есть само. Восприятие ориентировано на настоя-

¹¹ Гуссерль Эд. Феноменология внутреннего сознания времени [Электронный ресурс] / пер. В.И. Молчанова; РИГ «Логос». М., 1994. С. 87. URL: <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia/pdf/zeit.pdf> (дата обращения 21.06.2010).

щее, на *живой* длящийся момент реальности. Любая возможная репродукция уже тем вторична, что существование ее возможно лишь в континууме теперь-сознания.

Схема № 2

Ретенция (первичная память) и репродукция (а конкретно, воспоминание или вторичная память) принципиально различны. Ретенция входит в *непрерывный* континуум «теперь» и обладает свойством конституирования самоданности, поскольку непосредственно причастна настоящему восприятию. Ретенция – часть первичного сознания, воспоминание же несет в себе указание на то, что было когда-то дано презентативно. Существуют две различные модификации, связанные с указанными типами памяти: одна превращает первично воспринятое в репродуцированное, другая превращает «теперь» (первичное или репродуцированное) в «только-что-прошедшее». Вторая модификация имеет *характер непрерывного оттенения*, практическая важность которого разъяснится чуть позже (на примере из психиатрии). Ретенциально осознанное дано человеку с абсолютной достоверностью, воспроизведенное может содержать ошибки двух видов. Во-первых, ошибки репродукции как таковой, т.е. возможность отклонения от шагов реально бывшей последовательности. Во-вторых, ошибки прошлого восприятия и, значит, сохранившаяся в сознании ложная предметная интенция. В отношении же имманентных явлений такое невозможно, ибо *явления были очевидно даны*.

Может показаться странным, что Гуссерль объясняет воспоминание и ожидание будущего, как модусы репродукции. Обыденное сознание говорит о том, что будущее и прошлое принципиально различны. Тем не менее интуитивный опыт ожидания – это перевернутый интуитивный опыт воспоминания, а содержание воспоминания не является более определенным, чем

содержание ожидания. Воспоминание по мере удаления от актуального «теперь» приобретает все большую нечеткость, неопределенность. Если же мы можем допустить существование идеального воспоминания, то необходимо принять гипотетическую возможность наличия идеального ожидания¹² (которое проявляется в феномене «déjà vu»). Принципиальное различие между модусами репродукции лежит только в *содержаниях*: ожидание есть становящееся воспринятым бытие, а воспоминание – сознание о бывшем воспринятом бытии. Тем не менее любые репродуктивные содержания обладают общей спецификой: в них предмет всегда дан как настоящий, но схватывается как бывший по отношению к актуальному «теперь». Репродукция всегда есть некое отражение настоящего.

Конституирование в сознании человека *одного* объективного времени происходит благодаря *интенциям окрестности созерцания*, ведь воспоминание, являющееся в континууме «теперь», сохраняет модус, соответствующий конкретному временному положению вспоминаемого события. «Интенции окружения» придают явлению положение по отношению к актуальному «теперь». Даже если мы воспроизводим отсутствующее (сфантазированное, не бывшее) настоящее, то не можем не включать его в имманентный ряд времени. Интенции такого настоящего могут быть не связаны через непрерывный ряд событий с актуальным теперь, но они, тем не менее, не могут быть мыслимы вне определенной с ним связи. Если мы имеем в сознании одновременно актуальное восприятие и воспроизведение, то получаем временные поля, надвигающиеся друг на друга. В таком процессе надвигающиеся части идентифицируются в интуитивном возвращении в прошлое. В этом многообразии надвигающихся друг на друга времен конституируется строгий линейный порядок, где каждое событие – звено *одной* цепи.

Особо стоит отметить, что событие настоящего, уходя в прошлое, сохраняет, между тем, свою собственную строгую идентичность (*индивидуацию*). Событие модифицируется в памяти и затухает, погружающийся в прошлое момент теряет определение «новое», но в отношении интенции на индивидуальную объективность не происходит изменения. Для так называемого «чистого что» предмета определяющими являются не-темпорально схваченные (например, чувственные) данные.

Обычно мы говорим, что в действительности существует только точка настоящего (выделенная идеально, как и точка геометрии), причем существует она в одномерном континууме, лишенном каких-либо измерений. Любое

¹² Следует оговорить, что содержание ожидания обладает принципиальной открытостью, отличной от «открытости» воспоминания. Даже при «пророческом сознании будущего» есть нечто незначущее, осуществляемое свободно. – *Примеч. авт.*

другое место в таком континууме (прошлое или будущее) недействительны, поскольку их точечных событий уже или еще нет. Это простая связка времен живет в каждом сознании, мы с детства привыкаем к рациональному пониманию временной последовательности в форме «прошлое-сейчас-будущее».

Как мы выяснили выше, в нашем разуме настоящее само по себе уже имеет измерения (см. схему №1). В физической науке, говорит Гуссерль, речь идет о «пустом» времени, которому мы можем противопоставить пережитое... или «наполненное»¹³. Наполненное моими переживаниями и памятью настоящее осознается как определенная фаза. А называть прошлое и будущее ирреальными модусами бытия абсурдно. Мы говорили уже об особой модификации, происходящей с событиями, по мере их погружения в прошлое. Уже Августин пишет: «Если и будущее, и прошлое существуют, я хочу знать, где они. Если мне не по силам еще это знание, то все же я знаю, что где бы они ни были, они там не прошлое и будущее, а настоящее»¹⁴. Прошлое и будущее, принадлежащие имманентной жизни сознания, действительно существуют в континууме настоящего, так, воспоминание воспроизводится как вновь-восприятие. Обратитесь к собственному опыту: вспоминая нечто, мы как бы вновь переживаем события. Августин объясняет феномен воспоминания следующим образом: воспроизводимое прошлое есть не сами прошедшие события (непосредственно их «уже нет»), но «образы их», следы в памяти. Так мы не можем наблюдать своего детства – оно прошло, но мы фиксируем *живущий* в памяти образ в настоящем. Для внутренней жизни человека истинно сущим, непосредственно данным можно считать только момент теперь-существования.

Одна из характерных черт сознания настоящего есть *непрерывность* восприятия. Ее наличие необходимо для нормального существования человека. Роман Ингарден в своей работе по феноменологии приводит замечательный пример из медицинской практики. Однажды, будучи приглашенным на научный семинар в психиатрическую клинику города Краков, он замечает там больную девочку. Ее «неправильность» заключалась в странной, совершенно необъяснимой манере общения с людьми. В процессе разговора девочка могла вести себя нормально, отвечала на вопросы, улыбалась, но в какой-то момент «терялась» – чувствовала испуг, дезориентацию, словно только что очнулась и не узнавала никого. Такие скачки возникали с достаточным постоянством. Ингарден предположил тогда, что данный физиологический факт (явное прерывание в процессе визуального восприятия, потеря чувства

¹³ Ингарден Р. Введение в философию Эдмунда Гуссерля [Электронный ресурс]. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. URL: <http://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-5-33-3> (дата обращения: 21.06.2010).

¹⁴ Августин Аврелий. Исповедь [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/avgus01/xt11.htm> (дата обращения: 21.06.2010).

«только-что-прошедшего») может быть симптомом «парализованной ретенции». Девочка не могла удержать в первичной памяти происходящие события и «не было вещей, [которые на протяжении некоторого времени были бы даны в качестве существующих]»¹⁵.

Таким образом, уже сейчас можно сделать вывод, что только тончайшая организация внутреннего сознания-времени (заметим, что в вышеприведенном примере восприятие временности прерывалось вне зависимости от объективно текущего «времени мира») есть непосредственное условие любого возможного восприятия, не только прекрасной музыки, но и повседневности. Это не просто некая непрерывная связанность, но «связанность в одно сознание, в котором конституируется единство интенциональной предметности как предметности многообразных способов явлений»¹⁶.

Сам процесс жизни для человека есть ни что иное, как время. Необъяснимый феномен времени тревожит каждого из нас: рождаясь, мы отправляемся в бой со временем, который возможно ли выиграть?... Одержат ли победу можно только в том случае, если «противник» известен («побеждать время» я употребляю не в уничижительном значении, но как понимание и согласованность своих действий с их неизменной временной структурой). Люди часто говорят о желании изменить прошлое, но разве можно обратить необратимое время? Хотят замедлить или ускорить течение минут, но это лишь бессмысленный призыв бесстрастному течению минут. Отдельный человек, мучимый совестью или запутанный в сладостных воспоминаниях, может потерять чувство реальности, путешествуя по закоулкам памяти. Этот человек живет прошлым, говорим мы. Другая крайность, когда человек так стремится к будущей цели, что повседневная жизнь теряет для него ясный смысл. Он говорит себе в утешение: «Достигну цели – и тогда заживу». Ирония реальной жизни в том, что человек, достигнув мечты, не всегда становится действительно счастливым¹⁷. Мечты рисуют нам чувства и эмоции, которые не обязаны осуществиться.

Найти себя и смысл своей жизни возможно лишь постигнув значение момента «теперь». Именно он продуктивен, ведь первичное восприятие есть единственный «акт, который ставит перед нами (vor Augen) нечто, как оно есть само, акт, который первично конституирует объект»¹⁸. Конечно, про-

¹⁵ Ингарден Р. Введение в философию Эдмунда Гуссерля [Электронный ресурс]. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. URL: <http://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-5-33-3> (дата обращения: 21.06.2010).

¹⁶ Гуссерль Эд. Картезианские размышления [Электронный ресурс] / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2006. URL: <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia/Husserl.htm> (дата обращения: 21.06.2010).

¹⁷ Здесь уместно вспомнить сюжет рассказа «Крыжовник» А.П. Чехова.

¹⁸ Гуссерль Эд. Феноменология внутреннего сознания времени [Электронный ресурс] / пер. В.И. Молчанова; РИГ «Логос», 1994. С. 44. URL: <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia/pdf/zeit.pdf> (дата обращения: 21.06.2010).

шное и будущее обладают своего рода продуктивностью, но она вторична. Только момент «теперь» ставит перед нами сам объект, а не «образ» его в памяти, мыслимый образ будущего или фантазии. Репродуктивные модусы временного сознания предполагают лишь воспроизведение, модификацию уже ставшего. Мы можем сфантазировать как угодно прекрасный момент настоящего, но это будет «сфантазированное», но не дающее реальность «теперь».

Только присутствующее настоящее дает человеку возможность изменить собственную жизнь, вовлечь в нее вневременные ценности¹⁹. Можно, конечно, позволить себе приукрасить свою личность в прошлом, воображая и приписывая себе добродетели, но истина останется истиной. Прошлое возможно использовать как опыт и материал к обдумыванию, но оно останется неизменным. Сопричастность бытию, творческий момент жизни человека, доступен исключительно в точке «теперь». Именно здесь для человека личной становится воля, выбор. Попытки избежать этого выбора, погружение в уже-свершившееся или еще-не-осуществленное могут привести человека к глубокой депрессии.

Августин писал, что человеческая жизнь – это «сплошное рассеяние» и для того, чтобы обрести истинную жизнь, необходимо «собрать себя». Оставить в покое прошлое, не рассеиваться в мыслях о будущем, сосредоточиться на моменте теперь, который, по его словам, есть точка соприкосновения времени и вечности. Человек, живущий в прошлом или будущем, теряет истинную свободу, возможность выбора. Конечно, стремление к неподлинной жизни также можно назвать выбором, но он иллюзорен. Подлинная свобода осуществляется в настоящем, поскольку именно здесь возникают события, связанные с категориями добра и зла, а также коммуникация с другими людьми.

В процессе чтения «Феноменологии внутреннего сознания времени» встречаются параллели, проведенные Гуссерлем между феноменами пространства и времени. В них много аналогий, тем не менее эти сравнения затрагивают малое количество свойств, скажем, феномен пространственной и временной перспективы. Пространство – нечто принципиально иное, чем феноменологическое время. Пространственный мир понятнее нам, в нем нет таких проблемных аспектов, как «необратимость», в пространстве мы сами выбираем – пойти вперед, назад, направо или остановится. Время не позволяет нам таких вольностей. Оно неумолимо течет, позволяя совершить действие

¹⁹ С точки зрения Гуссерля, ценность не имеет временной позиции. Красота, полезность, доброта могут принадлежать временному объекту в определенное время, как его атрибуты. Но сами они не имеют позиции в природе и времени, не могут являться настоящими или прошедшими. – *Примеч. авт.*

и выбор только сейчас, в данный момент. Необходимо всегда держать при себе сознание текучей неостановимой субстанции, в которой мы неизбежно пребываем.

Гуссерль в последние годы жизни обратился к этической проблематике, но не оставил обширной концепции, все силы посвятив разработке феноменологического метода. В заключение «Картезианских медитаций» он пишет: «Само по себе первое бытие, предшествующее всякой объективности мира и несущее ее на себе, есть трансцендентальная интерсубъективность, вселенная монада, объединяющихся в различные сообщества. Но в этой фактической сфере монад, – а с учетом идеальной возможности, и во всякой монадической сфере, – возникают все те же проблемы случайных фактов, смерти, судьбы, возможности “подлинной” человеческой жизни как исполненной некоего особого смысла, а также проблемы “смысла” истории и так далее, от одного уровня к другому. Мы можем также сказать, что эти проблемы являются этико-религиозными проблемами, но поставлены на ту почву, на которую и должно быть поставлено все то, что может обладать для нас смыслом»²⁰. Однако исследование этих проблем – «от уровня к уровню» – Гуссерль предоставил своим последователям. В числе этических вопросов особый смысл несет проблема соотношения «я – другой», возникающая, как и прочие, в точке настоящего.

Получено 12.11.2010

²⁰ Гуссерль Эд. Картезианские размышления [Электронный ресурс] / пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2006. URL: <http://kosilova.textdriven.com/narod/studia/Husserl.htm> (дата обращения: 21.06.2010).